

Кузнецов Дмитрий Владиславович,

канд. ист. наук, доцент

Кафедра всеобщей истории, философии и культурологии,
Благовещенский государственный педагогический университет

г. Благовещенск

kuznetsov_d@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА АМЕРИКАНЦЕВ

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики внешнеполитического менталитета американцев.

Ключевые слова и фразы: США, массовое сознание, общественное мнение, внешняя политика, внешнеполитический менталитет.

Dmitry Kuznetsov,

Cand. Sc. in History, Associate Professor

Department of Universal History, Philosophy and Cultorology

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Blagoveshchensk

kuznetsov_d@mail.ru

CHARACTERISTICS OF FOREIGN POLICY MENTALITY OF AMERICANS

Abstract. In article the characteristics of foreign policy mentality of Americans is considered.

Key words and phrases: The USA, mass perception, public opinion, foreign policy, foreign policy mentality.

Расценивая «идейные основы внешнеполитического менталитета американцев», в структуру которых включены такие элементы, как концепция «американской исключительности», миф о «явном предназначении» или «предопределении судьбы», вытекающая из этого идея «мессианства», оформившаяся во второй половине XX в. концепция *Pax Americana*, в качестве исходных, подчеркнём, что они являются питательной средой для складывания отдельных идей и концепций, также отражающих представления американцев об окружающем их внешнем мире, но имеющих более конкретное содержание. Так, ещё одной важнейшей составляющей внешнеполитического менталитета американцев является весьма устойчивый алармизм, отражающий на уровне массового сознания американцев не только особенности их религиозных взглядов в духе протестантизма, но и наличие угрозы, якобы, исходящей в сторону США от отдельных стран мира. Его конкретным проявлением является образ «врага».

В данном случае образ «врага» – это качественная (оценочная) характеристика (имидж) «врага», сформированная в общественном сознании, тогда как «враг» – это актер (явление), представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств [46].

Э.Я. Баталов указывает: «Мир едва ли не всегда воспринимался в Америке в манихейском духе – как чёрно-белый, состоящий из "своих" – хороших и "чужих" – плохих, против которых следовало бы предпринять "крестовый поход"» [31, с. 184-185]. При этом объектом американской нетерпимости могла оказаться любая сила, действующая на международной арене, которая представляла реальную или мнимую угрозу (т.е. воспринималась как угроза) для национальных интересов США, а может, и просто являлась воплощением принципов, противоречащих национальному кредо американцев. Нетерпимо было всё, построенное на иных, по сравнению с американскими, принципах и претендовавшее на признание равного с Америкой права на существование.

В результате отношение американцев к различным странам мира по большей части характеризуется разделением стран на «друзей» и «врагов». Американцы к одним странам относятся резко отрицательно, к другим относятся резко положительно, деля, таким образом, весь мир на два противоположных лагеря – один дружественный, другой враждебный. И оценка этих стран обуславливается установившимися связями США с той или иной страной.

Причины возникновения на уровне массового сознания американцев подобного, крайне упрощённого взгляда на окружающий мир были вскрыты отечественными исследователями. Эти причины связаны со спецификой исторического развития США.

«Одним из результатов географической изолированности Соединённых Штатов являлось не только достаточно позднее "открытие" американцами внешнего мира, но и наличие устойчивых массовых представлений об этом мире как чрезвычайно туманном "образовании", что создавало естественную почву для стереотипного, чёрно-белого видения других стран... Американец более всего ощущает себя американцем именно через противопоставление себя внешнему, изначально чуждому Америке миру. Такого типа самоощущение имеет коннотации различного рода, создавая, в частности, при определённых условиях устойчивые психологические барьеры для адекватного восприятия и видения других... стран, их образа жизни, их непохожести на американцев», – подчёркивает М.М. Петровская [51, с. 41-42].

Таким образом, в первую очередь, речь идёт о тех многочисленных стереотипах, которые складываются на уровне массового сознания и воздействие которых на американцев до сих пор является весьма сильным. Достаточно высокий уровень стереотипизации мышления, столь присущий американцам, имеет своим следствием оформление на уровне массового сознания образа «врага», наличие которого зачастую является фактом вымышленным, не соответствующим ситуации, складывающейся в реальной действительности.

В связи с этим важно обратиться к идеям, которые были сформулированы У. Липпманом. Ещё в 1920-е годы он разработал, ставшую уже классической, теорию стереотипов, подчёркивая, что чем отдалённее объект (в данном случае – какая-либо страна), тем упрощённее складывающиеся о нём представления. В одной из многочисленных работ У. Липпмана («Общественное мнение», 1922 г.) подчёркивалось, что представления людей искажаются не только ввиду усложнения внешнего мира и отчуждения от него индивидуума, но и из-за ограниченности самого человека. Они искажаются стереотипами мышления, задаваемыми сформировавшей его культурой. «По большей части, вместо того, чтобы сначала увидеть, а потом определять, мы, напротив, сначала определяем, а потом видим», – указывал У. Липпман. И далее: «Мы замечаем только то, что уже сформулировано для нас нашей культурой, причем воспринимаем это замеченное в форме стереотипов...» [23].

Основополагающей считает роль стереотипов Майкл Х. Хант, по мнению которого чувство национального превосходства породило у американцев весьма

оскорбительные для других народов мира стереотипы, когда в традиционном представлении американцев все другие народы мира располагаются в определенной иерархии, поделенной на такие полюса, как «Цивилизация» и «Варварство», «Современность» и «Традиционализм» и т.д. и т.п. [10].

Между тем не только стереотипизация мышления является причиной возникновения на уровне массового сознания американцев образа «врага». Важную роль играют также религиозные взгляды в духе протестантизма, особенно, учитывая, что в США протестанты составляют большую часть верующих.

В 1980-е годы Г.А. Арбатов оценивал идеологию, лежащую в основе тех действий, которые предпринимали США на международной арене как «разновидность религиозно-политического манихейства, когда вся международная жизнь изображается в виде противоборства Света и Тьмы». «Для внешней политики США характерно ярко выраженное деление многоликого в социальном и политическом плане мирового сообщества на своих и чужих («мы и они»)», – писал Г.А. Арбатов [30, с. 9].

Действительно, именно традиции протестантизма задавали особый стиль массовому сознанию американцев, вырабатывали типично «моралистический» подход к оценке отдельных субъектов международных отношений. США всегда являлись страной, в которой преимущественное распространение получил именно протестантизм. В частности, в колониальный период из Англии хлынул поток переселенцев и большинство из них составляли пуритане, тогда как в дальнейшем не без оснований считалось, что протестантизм в силу отсутствия централизованной церковной власти, определённой свободы толкования религиозных догматов, отсутствия сложных ритуалов и т.д. больше, чем какая-либо другая религия, соответствует духу американцев, неизменно и достаточно ревностно отстаивавших свои идеалы. И хотя проживавшие на территории современных США жители вовсе не отличаются единством религиозных убеждений, именно идеи пуританизма, как оказалось, оказали самое сильное воздействие на процесс складывания «американского характера» [34].

Как подчёркивал С. Липсет: «Моралистическая ориентация унаследована американцами от их протестантского прошлого» [24]. Заимствованный из Библии эсхатологический взгляд на мир, базирующийся на дуалистическом разделении всего существующего на Земле, имеет своим следствием оформление таких дихотомий, как абсолютное «Добро» против абсолютного «Зла», Бог против Сатаны, «Свет» против «Тьмы» и т.д. Полутона, таким образом, отсутствуют. Отсюда объясним и тот постоянный поиск «врага», который наблюдается на протяжении практически всей истории США, и стремление американцев вести борьбу против этого «врага», их желание одержать над ним победу во имя распространения американских идеалов, главным из которых в самой Америке считается Свобода.

Обращаясь к фактам, следует упомянуть о том, что прибывшие в Америку колонисты-пуритане заимствовали дуалистический взгляд на мир, включающий элементы теории заговора, из Книги откровения. Прибыв в Северную Америку, они столкнулись с индейскими племенами, культурные традиции которых были им чужды [50]. Пуритане, находившиеся на стадии формирования их самоопределения как самостоятельной социальной общности, подчёркивали свою обособленность, а также превосходство, противопоставив свою «цивилизацию» «варварству», олицетворением которого являлись индейцы [38, с. 181].

Одним из первых, но в то же время весьма ярких примеров проявления религиозной нетерпимости пуритан в Америке стали знаменитые ведовские процессы в Салеме в 1691-1692 гг., которые повлекли за собой казнь 19 женщин по обвинению в связи с Дьяволом [33].

Как свидетельствуют факты, в числе «врагов» США неоднократно оказывались участники международных отношений – отдельные независимые государства, от которых, по мнению руководства страны, якобы исходила угроза национальной безопасности США.

В условиях Войны за независимость был оформлен образ фактически первого «врага» – Англии, который укрепился во время англо-американской войны 1812-1814 гг.

В XIX в. – это Мексика, с которой США столкнулись в результате дальнейшего развития процесса расширения своей территории. Результатом стала война, которая имела место в течение 1846-1848 гг.

На рубеже XIX и XX вв. – это Испания, с которой США также вели войну (испано-американская война 1898 г.).

Во время Первой мировой войны 1914-1918 гг. «врагом» стала Германия, тогда – своеобразное олицетворение тирании, с которым США как государство, в котором демократические устои получили своё наибольшее проявление, будучи «форпостом демократии», были обязаны вести борьбу.

На протяжении практически всего XX в. образ «врага» являлся основополагающим элементом, характеризовавшим отношение американцев к Советскому государству. Оформление этого образа «врага» относится уже к 1919-1920 гг., когда в США имела место настоящая истерия в связи с так называемой «красной угрозой», которая вошла в историю под названием «Великий красный страх». В результате, антикоммунизм стал составной частью американской идеологии на долгие годы вперед. Даже установление в 1933 г. дипломатических отношений между США и СССР в принципе не изменило отношение американцев.

С началом Второй мировой войны 1939-1945 гг. в качестве главного «врага» стали расцениваться державы «оси» – нацистская Германия, фашистская Италия и империалистическая Япония.

После 1945 г., когда началось обострение взаимоотношений двух «сверхдержав», что привело к началу «холодной войны», для США СССР вновь оказался в числе «врагов».

В эпоху «холодной войны», помимо Советского государства, в числе «врагов» оказались и другие социалистические страны, например, Китайская Народная Республика, Республика Куба, а в условиях Корейской и Вьетнамской войн, соответственно, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) и Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ).

На рубеже 1970-х и 1980-х гг., под влиянием актуализации проблемы международного терроризма, в числе «врагов» оказались страны, расположенные на Ближнем и Среднем Востоке – Иран и Сирия, а также Ливия, в адрес руководства которых США выдвинули обвинения в поддержке международного терроризма.

К концу 1980-х годов в числе «врага» оказался Ирак и война в Персидском заливе (1991 г.) продемонстрировала, что образ враждебной нации продолжает доминировать в общественном мнении США.

Трагические события 11 сентября 2001 г. укрепили среди американцев мнение о том, что самая значительная угроза в адрес США исходит со стороны государств, относящихся к исламским: так называемая «исламская угроза», связываемая в первую очередь с проблемой международного терроризма, в представлении американцев, стала очевидной.

Наряду с этим еще одной значительной, по мнению американцев, в 2000-е годы являлась угроза, связанная со стремлением некоторых стран (Иран и Северная Корея) к обладанию собственным ядерным оружием. Отсюда – Ирак, Иран и Северная Корея (так

называемая ось зла), а также Сирия (в адрес этих стран в 2000-е годы неоднократно звучали обвинения со стороны руководства США в том, что они стремятся получить ядерное оружие и в перспективе могут использовать его против США), как считали американцы, представляют наибольшую опасность для США, являются враждебными по отношению к США государствами, неся угрозу национальной безопасности.

Фактически, алармизм по-прежнему остается важнейшей составляющей внешнеполитического менталитета американцев, массовое сознание которых с определённой периодичностью выявляет всё новых и новых «врагов».

Обращает на себя внимание факт, что в последнее время ухудшилось отношение американцев к Китаю и России [32]. В 2000-е и 2010-е гг. неоднократно фиксировалось усиление критического настроения жителей США к РФ, достигшее своего пика в 2014-2015 гг., под влиянием событий, связанных с Украинским кризисом и других международных проблем. На наш взгляд, это есть свидетельство того, что американцы всё ещё находятся под воздействием устоявшихся в эпоху «холодной войны» стереотипов в соответствии с которыми Россия рассматривается сквозь призму образа «врага».

Таким образом, совершенно очевиден тот факт, что в числе «врагов» США в первую очередь оказывались именно те государства, от которых, по мнению руководства страны, исходила угроза её национальной безопасности. Образ «врага» же представляет собой определённую, якобы враждебно настроенную по отношению к США, нацию, от которой к тому же исходит угроза. Однако важно подчеркнуть, что в первую очередь стереотипизация представляет собой основу для складывания очередного образа «врага», другими словами, образ «врага» по большей части носит искусственный характер.

Складывание очередного образа «врага» связано с наличием двух важнейших категорий – «Я» и «Другой», которые, опять-таки, во многом искусственным путём, противопоставляются друг другу в стремлении обозначить некую грань, отделяющую их друг от друга на уровне восприятия «Свой» – «Чужой». Попытки дать объяснение этому процессу предпринимались как отечественными, так и зарубежными исследователями.

К примеру, Ю.А. Замошкин указывает: «Образ "врага", возникающий в какой-либо стране применительно к другой, обычно лишь тогда обретает действительную психологическую силу, а также значимость, когда он возрастает из убежденности массового сознания в том, что эта другая страна представляет угрозу». Однако, по его мнению, в большинстве случаев эта угроза как таковая отсутствовала, в связи с чем «объяснение, вероятно, следует искать в реалиях самого сознания, самих чувств американцев, в их внутреннем психологическом состоянии, а также в действии тех механизмов, которые мешали реалистическому видению и восприятию действительного положения дел» [42, с. 256]. На это же обстоятельство в своем диссертационном исследовании указывают Е.Е. Рябцева [52] и другие исследователи [39; 41; 43; 44].

Л. Гудков подчёркивает, что «как бы семантически не различались те или иные виды образов... "врагов", их главная функция – нести представления о том, что является угрозой самому существованию группы (обществу, организации, с которой идентифицирует себя субъект и адресат риторических обращений – автор, читатель или зритель), её базовым ценностям. Смертельная опасность, исходящая от "врага", является важнейшим признаком подобных смысловых... конструкций. Этим "враг" отличается от других, хотя и близких, персонажей символического социального театра – "чужого" ...» [40, с. 7-79].

Ярче всего это видно на примере идеологических конструкций, которые были сформированы в США во время «холодной войны», когда возникла так называемая теория коммунистического заговора, представлявшая в условиях конфронтации США и СССР важнейший элемент массового сознания американцев и объяснявшая природу международных конфликтов деятельностью Москвы, направленной на насильственное свержение существующей системы власти в целях создания «всемирного коммунистического государства». Вследствие этого руководство США неоднократно после 1945 г. объявляло отдельные регионы земного шара, например Дальний Восток, Юго-Восточную Азию, Ближний и Средний Восток, Латинскую Америку, зонами «жизненно важных интересов» США, а происходившие здесь антиправительственные выступления – «агрессией коммунизма». При этом «теория коммунистического заговора» стала частью так называемой кризисной стратегии США, состоявшей в использовании локальных войн для инспирирования опасных, действовавших на международном уровне, кризисов. «Кризисная стратегия» породила столь опасные для всего мира ситуации, как, например, Карибский кризис 1962 г.

Исследователи из США Ч. Кегли и Ю. Уитткопф, раскрывая суть образа «врага» на примере СССР, подчёркивают, что в основе подобного, исключительно негативного восприятия этого государства лежало то, что, «во-первых, коммунизм представляет принципиальную опасность миру, и необходимо использовать силу, чтобы бороться с распространением этой опасности; во-вторых, поскольку Советское государство является передовым отрядом коммунизма, то американская внешняя политика должна быть направлена на сдерживание советского экспансионизма» [15, р. 36].

П. Дж. Гоуновер и С. Филдман, отождествляя СССР с понятием «коммунизм», считают образ «врага» «мерилом, с помощью которого можно определять взгляды, ценности и предпочтения» [8].

Ю. Бронфенбреннер на первый план выдвигает чисто психологические факторы, а именно: склонность человека к построению упрощённой, чёрно-белой картины окружающего мира, к полярному разделению как отдельных людей, так и целых наций на хороших и плохих, эффект так называемого «группового давления» [9].

Р. Джервис указывает на определяющее влияние факторов психологического свойства в процессе формирования образа «врага» [11].

Б. Глэд также считает, что важнейшим основанием для складывания образа «врага» является чёрно-белое видение мира, при котором отсутствует возможность улавливать полутона. Рассматривая ситуацию, сложившуюся в 1980-е годы, он указывает на «дегуманизацию противника», в том числе предполагающую преувеличение его могущества, усиливающую негативное восприятие [7].

С. Кин, автор книги «Лица врага. Размышления о психологии враждебности», рассмотрев типичные приемы, используемые пропагандой стран, находящихся в состоянии конфликта, на основе большого фактического материала высказал мнение, что, несмотря на различные условия, характеристики, приписываемые враждебной стороне, очень схожи между собой. С. Кин считает, что существует «стандартный набор образов, используемых для дегуманизации врага». Чаще всего «враг» изображается как агрессор, насильник, безбожник, преступник, мучитель, а также палач, носитель смерти, наделенный при этом такими чертами, как садизм, жестокость, бесчеловечность, ненасытная алчность, имперские амбиции. В конечном счете, «враг» воспринимается именно как некий «чужой» в противовес «своему», по сути «варвар, несущий угрозу цивилизации». Как подчёркивает С. Кин, характерно также карикатурное изображение «врага» в виде насекомых, змей, крыс и других не очень привлекательных представителей животного мира. В свою очередь, главным источником складывания образа «врага» С. Кин считает факторы психологического

свойства, а именно: глубоко скрытые в человеческой душе враждебность, а также подозрительность, жестокость, постоянно вырывающиеся наружу животные инстинкты, которые, являясь социально неприемлемыми, подавляются нашим сознанием и как бы переносятся, «проецируются» на внешний объект, т.е. на «врага». Наряду с этим С. Кин важную роль в формировании враждебного отношения к другим нациям приписывает широко распространенному, по его мнению, чувству отчуждения от окружающего мира, противопоставлению человека и общества, представлению о том, что мир неизбежно делится на сильных и слабых, победителей и побеждённых. Кроме того, по мнению С. Кина, отрицательные характеристики, приписываемые пропагандой какой-либо страны другим нациям, часто есть отражение негативных процессов в жизни собственной нации [14].

Одной из составляющих образа «врага» является осознание того, что, помимо чисто американских ценностей, в мире существуют и другие, олицетворяемые нациями, вовсе не похожими на американскую. Д. Дж. Финлей, Оле Р. Холсти и Р. П. Фэджен, указывая, что одна из функций образа «врага» заключается в том, чтобы «обеспечивать наличие контрастов, чтобы мы могли измерять или превозносить нашу систему ценностей», связывают антисоветские настроения американцев, во-первых, с патриотизмом, во-вторых, с моральными традициями, в-третьих, с христианским фундаментализмом. Указанные авторы в своей книге «Враги в политике» с достаточной прямотой заявляют следующее: «Кажется, что мы всегда нуждаемся во враге и "козле отпущения", если его ещё нет в наличии, мы создаём его. Враг помогает выявить нелояльность в собственной стране, помогает отвлечь от более серьёзных внутренних проблем» [4].

Фактически всё, что не является американским, т.е. не входит в структуру существующих в США ценностей, может вызывать враждебность среди американцев. Однако применительно к США образ «врага», согласно К.С. Гаджиеву, как бы оправдывает гегемонистские устремления этой страны. «Очевидно, что предъявляемые Вашингтоном претензии на роль единственного центра принятия решений по всем сколько-нибудь важным вопросам мировой политики, единоличного вершителя судеб всего мира, мирового полицейского и т.д. невозможно обосновать и, как говорится, успешно "продать" остальному миру без наличия общего врага, якобы представляющего угрозу безопасности всего мира. И действительно, если Америка перестанет быть защитницей свободы и демократии против всевозможных врагов, то что будет с идеей американской миссии и особой роли США в мировой истории?», – подчёркивает К.С. Гаджиев [35, с. 53-54].

Важно подчеркнуть, что американские СМИ во многом способствуют складыванию в США образа очередного «врага» [1; 27]. Это, в первую очередь, электронные средства массовой информации (главным образом, телевидение и радиовещание), а также периодическая печать, в связи с чем уместно привести высказывания Джорджа Х. Гэллапа, который сделал вывод о том, что «общественное мнение практически полностью определяется сообщениями средств массовой информации» [5]. Однако, процесс складывания в массовом сознании американцев очередного образа «врага» связан не только с деятельностью американских СМИ. Следует также учитывать воздействие, которое оказывают киноиндустрия, а также книги. Возникновение образа «врага» связано и с наличием достаточно широкого психологического подтекста, по большей части формирующегося уже на стадии детства и юношества.

В свою очередь, «размывание» образа «врага», а также его исчезновение, как показывает практика, происходит эволюционным путем, но достаточно медленно, под воздействием преимущественно внешних факторов, главным из которых являются

действия, осуществляемые на мировой арене, но наряду с этим следует также назвать такие немаловажные факторы, как позиция средств массовой информации, туризм, наконец, личные контакты.

Подобная конструкция внешнеполитического менталитета американцев, которая сложилась с учётом специфики исторического развития США, дополняется ещё целым рядом важных элементов, имеющих собственное происхождение и звучание.

Это амбивалентная пара идеализм и реализм, отражающая противоположные по своей сути подходы к восприятию процессов, происходящих на международной арене [3; 9].

Что касается идеализма, широкое обращение к которому во внешней политике США началось при В. Вильсоне, благодаря чему данная концепция иногда позиционируется как вильсонизм [29], то он предполагает практически неограниченную веру в эффективность преобразовательных действий, осуществляемых в мире в соответствии с некими идеальными, основанными на универсальных принципах этики и морали, концепциями (например, опираясь на теорию так называемого «демократического мира»). Имеющиеся вариации идеализма, в частности, его нелиберальная и неконсервативная трактовки, различаются в методах, используемых на практике. Во втором случае, при необходимости, не исключается использование военной силы. Однако оба варианта связаны с фактическим отрывом от реалий, существующих в международной арене, что не только не способствует реализации поставленных целей и задач, но и часто ведет к разочарованиям в проводимом курсе.

С другой стороны, реализм предусматривает обязательное соотношение выбранных в сфере внешней политики ориентиров с реально существующими возможностями в их достижении. В широком значении реализм более приоритетной по отношению к идеологическим императивам считает категорию национальных интересов страны, включает требование рассматривать ситуацию на международной арене вне зависимости от идеологических пристрастий и моральных категорий.

Это также основанная на реалистическом подходе к международным отношениям концепция *Realpolitik*, превозносящая отстаивание национальных интересов страны с упором на реальную военную силу [26] и напрямую связанная с идеями, высказываемыми в русле «политического реализма».

Истоки «политического реализма» восходят еще к отцам-основателям США. Дж. Вашингтон, Дж. Монро, А. Гамильтон, а также Дж. Кэлхун, братья Адамсы, адмирал Мэхэн, Н. Спайкман, – все они пытались отыскать для США мировую роль, достойную этой страны, оперируя преимущественно не напыщенной терминологией в духе *Manifest Destiny*, а кажущейся им более четкой терминологией «баланса сил». После 1945 г. идеи в духе *Realpolitik* получили поддержку со стороны группы германских политологов, эмигрировавших в США, в первую очередь, со стороны Ганса Й. Моргентау, который выступал за внешнюю политику, «обеззараженную» от идеологии, опирающуюся на силу, использование которой должно соразмеряться с правильно понятым интересом, что предполагало объективный анализ всех условий, обстоятельств, факторов, воздействующих на баланс сил в сфере международных отношений. Свое окончательно оформление концепция *Realpolitik* получила благодаря Г. Киссинджеру, с помощью которого она стала преобладающим для руководства США на рубеже 1960-х и 1970-х гг. подходом в международных отношениях. «Сегодня, – писал Г. Киссинджер, – мы убеждены в том, что как и большинство других наций в истории, мы не можем ни бежать от этого мира, ни властвовать над ним... Мы больше не можем надеяться, что моральные суждения, выраженные в абсолютных терминах, встретят широкую поддержку... Пришло время трезво взглянуть в глаза реальности». И

хотя сам Г. Киссинджер предупреждал, что «наш выбор заключается не в выборе между идеализмом и реализмом, мы не можем отказаться ни от одного, ни от другого», данная позиция очень многими американцами была воспринята как выражение прагматического подхода к внешней политике [16].

Концепция *Realpolitik* является отражением сугубо прагматического подхода к международным отношениям, призывающего руководствоваться прежде всего соображениями своей пользы и выгоды, своего конкретного интереса. Данный подход, который опирается также на традиции предпринимательской, индивидуалистской идеологии в тех вариантах, которые получили широкое распространение среди американцев, впервые был обозначен еще в теории «просвещенного эгоизма».

Теория «просвещенного эгоизма» возникла в XVIII в. и представляет собой некое мерило разумности, средство уравнивающее мессианизм более трезвыми соображениями о необходимости соблюдать интересы страны на международной арене с имеющимися в ее распоряжении ресурсами и средствами реализации интересов. Этот принцип призывает к тому, чтобы в своей внешней политике США руководствовались не набором неких пригодных для всех абстрактных правил, а соображениями национальной выгоды с точки зрения долговременной перспективы. Степень же предпочтения, отдаваемая именно долгосрочному, стратегическому выигрышу, по сравнению с сиюминутными выгодами, является мерилем просвещенности внешней политики США.

Ядром этой идеологии явилась модель успеха любой деятельности, измеряемого прежде всего богатством, властью и влиянием, причем достижение успеха прочно ассоциируется с победой в ходе конкурентной борьбы.

Это, далее, морализм, в соответствии с которым приоритетными в международных отношениях являются универсальные моральные ценности и принципы [12]. При этом имеется ввиду апелляция к моральным ценностям и принципам, к принципам идеологии, выходящим за рамки прагматического расчёта. Здесь огромную роль играют идеалы, общие для всех нравственные принципы, которые рассматриваются как высшие, первичные по отношению к утилитарным частным расчётам. Такими идеалами, например, являются идеалы «демократии по-американски». Обращение к морализму может стимулировать осуществление на международной арене определённых действий. Во внешней политике США морализм зачастую выступает в роли сознательного и активного защитника американской системы, отстаивающего на международной арене интерес этой системы как некой ценности. В результате морализм становится враждебен по отношению ко всем, кто реально и потенциально препятствует реализации внешнеполитических интересов этой системы или угрожает её дальнейшему развитию, даже существованию.

Особое значение имеют концепции изоляционизма и интернационализма – два ставших уже традиционными подхода к деятельности страны на международной арене, предусматривающие, соответственно, неактивную и активную роль в мире [25].

Идея невовлечения в дела других государств, наций, народов, этносов лежит в основе изоляционистского подхода. Правда, важно подчеркнуть, что в современной трактовке изоляционизм в чистом виде практически отсутствует. Суть изоляционизма, таким, каким он видится большинству американцев в настоящее время, заключается в проведении умеренной по своему характеру внешней политики: «Америка не должна ни отдаляться от остального мира, ни игнорировать его, но должна свести к минимуму прямое вмешательство в дела других за пределами своих границ» [28]. В результате изоляционизм в известной мере сближается с интернационализмом, в основе которого находится установка на активные действия и их реализация в рамках внешнеполитического курса.

Часто встречающийся в отечественной специальной литературе термин интервенционизм в сущности является синонимом понятия интернационализм. Его применение отражает возникшую в советское время традицию оценивать многие действия, предпринимаемые руководством США, особенно, использование военной силы, в русле интервенционистской, т.е. опирающейся на военную мощь, политики. С другой стороны, не следует забывать также о причинах идеологического характера. Во время «холодной войны» идеологема интернационализма получала полярные трактовки в социалистических и капиталистических странах. Так, активная внешняя политика, проводимая со стороны США, расценивалась в либеральной традиции как интернационалистская политика, а в марксистской традиции как интервенционистская политика, тогда как активная внешняя политика, проводимая со стороны СССР, расценивалась в либеральной традиции как интервенционистская политика, а в марксистской традиции как интернационалистская политика.

Вместе с тем мы рассматриваем интервенционизм в контексте внешнеполитического менталитета американцев – в качестве установки на гораздо более активное участие в мировых делах, вовлечённость в различные ситуации, возникающие на международной арене, с опорой на использование военной силы.

Интервенционизм, представляющий установку на гораздо более активное участие в мировых делах, вовлечённость в различные ситуации, возникающие на международной арене, с опорой на использование военной силы, в настоящее время можно расценить в качестве одной из важнейших составляющих внешнеполитического менталитета американцев, напрямую влияющих на их отношение к проблемам использования военной силы. Эта установка сформировалась на уровне массового сознания американцев не сразу.

Первоначально географическая удаленность США от других «центров силы» и отсутствие реальной опасности вторжения извне, весьма обширная территория, как впрочем и богатство природных ресурсов позволяли широким слоям населения на протяжении длительного периода времени едва ли не полностью абстрагироваться от реалий международной жизни. Правда, уже на ранних этапах истории США важнейшей характеристикой подхода американцев к проблемам внешней политики оказалась идея «мессианства» – вера американцев в особую «миссию» США, органически связанная с концепцией «американской исключительности».

В результате именно на основе этого «комплекса превосходства» по отношению к другим странам в США сложились изоляционистская и интернационалистская ориентации, воплотившие в себе различные представления о путях реализации этой «миссии», на что указывает Г. Киссинджер. Моральный долг «избранной Богом» страны (т.е. Америки) заключался: в изоляционистской версии – выступать в качестве «маяка», в интернационалистской версии – выступать в качестве «крестоносца» [13; 22].

«Американская внешняя политика – как изоляционистская, так и интернационалистская – всегда была чрезвычайно моралистичной по своей тональности и риторике», – подчеркивает И. Кристал [21].

В настоящее время при рассмотрении ориентаций, сложившихся в общественном мнении США относительно проблем внешней политики, пожалуй, самое широкое распространение получила общая типология, в основе которой лежит выделение указанных двух типов – изоляционистского и интернационалистского [47]. И хотя размежевание по линии «изоляционизм – интернационализм» во многом так же условно, как и противопоставление либералов и консерваторов, Э.Я. Баталов справедливо отмечает, что либеральная и консервативная типология «составляет существенный элемент политической культуры американского общества и прочно входит в состав принятых им правил и символов... игры, с которыми исследователь

обязан считаться» [54, с. 51-52]. И.Е. Малашенко, развивая эту типологию, перенес ее на внешнеполитические взгляды американцев, выделяя соответствующие внешнеполитические ориентации – либеральный и консервативный варианты изоляционизма и интернационализма [47]. По мнению И.Е. Малашенко, изоляционизм и интернационализм не существовали во внешнеполитическом сознании в чистом виде, они сохраняли свою силу и влияние лишь в качестве тенденций, наполнявшихся специфическим содержанием по мере исторического развития американского общества. Не оставался неизменным и «удельный вес» каждой из этих ориентаций в массовом сознании: в зависимости от чередования периодов в истории внешней политики США в массовом сознании могли брать верх изоляционистские или интернационалистские тенденции [48].

Указанные элементы вполне вписываются в конструкцию внешнеполитического менталитета американцев, даже несмотря на то, что некоторые из этих элементов по отношению друг к другу являются взаимоисключающими. Данное обстоятельство свидетельствует об исключительно важной характеристике, присущей массовому сознанию американцев в области внешней политики – амбивалентности, проявляющейся в одновременном сосуществовании противоположных по своему характеру установок, о чём неоднократно в своём фундаментальном труде «Дипломатия» упоминает Г. Киссинджер.

«В XX веке ни одна страна не оказала столь решительного и одновременно столь амбивалентного влияния на международные отношения, как Соединённые Штаты, – подчёркивает Г. Киссинджер. – Ни одно общество не настаивало столь твёрдо на неприемлемости вмешательства во внутренние дела других государств и не защищало столь страстно универсальности собственных ценностей. Ни одна иная нация не была более прагматичной в повседневной дипломатической деятельности или более идеологизированной в своём стремлении следовать исторически сложившимся у неё моральным нормам. Ни одна страна не была более сдержанной в вопросах своего участия в зарубежных делах, даже вступая в союзы и беря на себя обязательства, беспрецедентные по широте и охвату. Специфические черты, обретенные Америкой по ходу её исторического развития, породили два противоположных друг другу подхода к вопросам внешней политики...» [45, с. 9-10]. По мнению Г. Киссинджера, окончательное оформление этой специфической черты произошло в период президентства В. Вильсона, деятельность которого предопределила «на десятилетия амбивалентность американского сознания, пытавшегося примирить принципы с необходимостью» [45, с. 39].

Важной характеристикой, присущей массовому сознанию американцев в области внешней политики, является то, что конструкция внешнеполитического менталитета американцев подвержена трансформациям. Речь идёт о том, что отдельные элементы, образующие эту конструкцию постоянно предстают в различных ипостасях, в зависимости от их интерпретации, а также текущей политической ситуации. Гибкость внешнеполитического менталитета современных американцев, его эластичность вызвана рядом обстоятельств.

Для США характерна страстная борьба по вопросам внешней политики и довольно резкие переходы от одной внешнеполитической линии к другой внешнеполитической линии, соответствующие резким колебаниям в общественных настроениях. Но через все эти колебания проходит идея всемирной миссии Америки. «Борьба вокруг внешней политики – это в громадной степени борьба по вопросу о способах осуществления этой миссии», – подчёркивают авторы коллективного труда, посвященного внешней политике США.

Для США всегда были характерны пацифистские настроения масс. Однако из-за своей связи с идеей «избранности» Америки, пацифизм в США с лёгкостью может переходить в свою противоположность, как это было во время Первой мировой войны 1914-1918 гг., когда военный психоз с лёгкостью сменил пацифистские настроения, поскольку милитаристская лихорадка разгоравшаяся под лозунгами «войны, которая ведётся, чтобы положить конец войнам и сделать мир безопасным для демократии», была для американцев как бы естественным продолжением пацифизма [53, с. 167].

Американцы – в массе своей – легки на подъём под лозунгами различных «крестовых походов». Однако характерным сопутствующим элементом многочисленных «крестоносных» кампаний в сфере внешней политики являются морально-идеологические кризисы в США, возникающие в ситуации, когда тот или иной из развёрнутых «крестовых походов» заносит в тупик. Такие тупики после некоторого периода протрации, как правило, ведут в США к ревайвалистским тенденциям – «великим пробуждениям» религиозного сознания, «открытиям заново» светоча истины в религиозной философии. Эти интенсивные религиозные возрождения есть не что иное, как стихийные попытки обращения к религии, уходом в неё с тем, чтобы освободиться от чувства стыда, вины или глубокого морального разочарования, вызванного провалом тех или иных «крестоносных» кампаний, в которые были вовлечены массы.

В силу присущей массовому сознанию американцев импульсивности, объяснимы также быстрые переходы на уровне массового сознания американцев от одной крайности к другой, нередко приводящие к «маятниковому» движению настроений в американском обществе. Все эти взлеты и падения, активность приводят к пульсирующему, лихорадочному течению общественно-политической жизни, движению общественного «маятника» «туда-обратно».

В связи с этим следует упомянуть об исследованиях, которые были проведены учёным из Университета штата Иллинойс Фрэнком Л. Клингбергом. Он подверг анализу явление, которое он определил как «историческую перемену настроений в американской внешней политике», обнаружив в итоге периодическое колебание от «экстраверсии» к «интроверсии». Проведя систематизацию событий, относящихся к истории США, Фрэнк Л. Клингберг выявил цикличность колебаний в «американском настроении» между «сосредоточенностью на внутренних делах» (интровертное) – 1776-1798 гг., 1824-1844 гг., 1871-1891 гг., 1918-1940 гг., 1967-1987 гг. (средняя продолжительность цикла – 21 год) и «сосредоточенностью на внешних делах» (экстравертное) – 1798-1824 гг., 1844-1871 гг., 1891-1918 гг., 1940-1967 гг., 1987-2014 гг. (средняя продолжительность цикла – 27 лет). В результате выяснилось, что речь идет о своеобразном чередовании этой «сосредоточенности» [17; 18; 19; 20].

Рассмотренные выше отдельные элементы, входящие в структуру внешнеполитического менталитета современных американцев, в первую очередь, «идейные основы внешнеполитического менталитета американцев» (концепция «американской исключительности», миф о «явном предназначении» или «предопределении судьбы», вытекающая из этого идея «мессианства», оформившаяся во второй половине XX в. концепция *Pax Americana*), являющиеся питательной средой для складывания отдельных идей и концепций, также отражающих представления американцев об окружающем их внешнем мире, но имеющих более конкретное содержание (алармизм, конкретным проявлением которого является образ «врага», идеализм и реализм, концепция *Realpolitik*, морализм, концепции изоляционизма и интернационализма, интервенционизм), будучи составляющими национальной Я-концепции, усиленно культивируются в США среди самых широких слоев населения, причем с самого раннего возраста.

В воспроизводстве и последующем распространении от поколения к поколению многочисленных мифов, связанных с «исключительностью» США, важнейшую роль играют такие институты социализации, как семья, школа и система образования в целом. Огромную роль (учитывая высокий уровень религиозности американцев) в этом процессе играет церковь, поскольку для проповедников почти всех деноминаций американская история (например, деятельность так называемых «отцов-основателей») служит важным источником тем проповедей, стоящим по своей значимости на втором месте после Библии.

Как подчеркивают П. Джестер и Н. Кордс, авторы книги «Миф в американской истории», американская мифология создается совместными действиями нескольких сил. Это, прежде всего, историки, которые при всей их кажущейся аккуратности «вносят существенный вклад как в создание, так и в поддержание американской мифологии». Кроме того, к ним относятся СМИ (периодическая печать, а также радио и телевидение) [36, с. 290-300], киноиндустрия, другие источники информации, которые, повествуя о тех или иных событиях, стремятся не столько исследовать, сколько драматизировать их. Наконец, литература, музыка, изобразительное искусство, устное народное творчество, паломничество в места, связанные с легендарными историческими событиями, политическая риторика также вносят свой вклад в создание американской мифологии [6].

Процесс мифологизации усиливался под влиянием специфических, применительно к историческому опыту США, факторов, связанных с идеей «американской мечты», сыгравшей исключительную роль в становлении американцев как нации.

При отсутствии общего исторического прошлого и постоянном притоке все новых волн иммигрантов, представлявших разнородные культуры, мифология как ядро «американской мечты» по необходимости выполняла присущую ей интегративную функцию. Она должна была объединить всех оказавшихся на американской земле в единое целое и одновременно отделить их с помощью какой-то символики от неамериканцев, противопоставить первых вторым, подкрепив тем самым их веру в будущее и вселив надежду на успех. Однако, помимо интеграционной, «американская мечта» выполняла еще и идеологическую функцию. Она как элемент культуры, усваиваемой в процессе социализации, влияла на формирование установок американцев, включая лиц, определяющих внешнюю политику США [49, с. 50].

Важно, однако, что «американская мечта» выступала и как активный фактор формирования внешней политики США. Ориентации, присущие американцам в контексте существования такого феномена, как «американская мечта», играли немаловажную роль в определении целей и задач США на международной арене. Так, в период, когда осуществлялась колонизация Американского континента, «американская мечта» служила мощным стимулом к освоению новых земель, тогда как позднее, во время борьбы колоний Англии за свою независимость, рассмотренный выше комплекс мифов способствовал противодействию политике британской короны и одновременно служил оправданию курса на образование самостоятельного государства. Однако чем дальше разворачивалась история Соединенных Штатов в пространстве и во времени, тем отчетливее обнаруживались двойственность, противоречивость «американской мечты», все более служившей обоснованию и оправданию экспансии США [49, с. 51].

Соответственно, в условиях XX в. «американская мечта» органичным образом материализовалась во внешнеполитической доктрине, которую принято называть вильсонизмом, а после 1945 г., во время «холодной войны», указанные выше мифы, стали обоснованием необходимости вести борьбу с Советским государством.

В условиях формирования «нового мирового порядка», после исчезновения двухполюсного мира на внешнюю политику США оказывает сильное воздействие состояние эйфории, возникшее под воздействием перспектив глобальной гегемонии и статуса единственной сверхдержавы. Эйфория эта еще больше усилила роль традиционных мифов, и, как подчеркивает Э.Я. Баталов, американское политическое сознание (особенно в его внешнеполитическом аспекте) конца XX-начала XXI вв. «продолжает развиваться в русле традиций, начавших формироваться в Америке еще в колониальный период и в основе своей сохраняющих силу по сей день».

Список источников, литературы и электронных ресурсов

1. Brewer Paul R., Graf J., Willnat L. Priming or Framing: Media Influence on Attitudes Toward Foreign Countries // *Gazette*. – Vol. 65. – 2003. – № 12. – P. 493-508.
2. Bronfenbrenner U. The Mirror Image in Soviet-American Relations // *Journal of Social Issues*. – Vol. 17. – 1961. – № 1. – P. 45-56.
3. Crawford, Robert M.A. Idealism and Realism in International Relations: Beyond the Discipline. – London; New York: Routledge, 2000.
4. Finley D.J., Holsti O.R., Fagen R.P. Enemies in Politics. – Chicago: Rand McNally, 1987.
5. Gallup, George H. The Accuracy of U.S. Perceptions // *Relations Between the United States and the Soviet Union*. Committee on Foreign Relations. – Washington, 1978.
6. Gester P.M., Cords M. Myth in American History. – Encino; L., 1977.
7. Glad B. Black-and-White Thinking: Ronald Reagan's Approach to Foreign Policy // *Political Psychology*. – Vol. 4. – 1983. – № 1. – P. 33-76.
8. Gonover P.J., Feldman S. How People Organize the Political World: A Schematic Model // *American Journal of Political Science*. – 1984. – № 28. – P. 95-126.
9. Griffiths M. Realism, Idealism, and International Politics: A Reinterpretation. – London: Routledge, 1992.
10. Hunt, Michel H. Ideology and U.S. Foreign Policy. – New York: Yale Univ. Press, 1987.
11. Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. – Princeton: Princeton University Press, 1976.
12. Jochen Von Bernstorff, Ingo Venzke. Ethos, Ethics and Morality in International Relations // *MAX PLANCK ENCYCLOPEDIA OF PUBLIC INTERNATIONAL LAW* / Ed. by R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2009. – URL: <http://papers.ssrn.com/>.
13. Jonas M. Isolationism // *Encyclopedia of American Foreign Policy*. 2006. – URL: <http://www.americanforeignrelations.com/index.html>.
14. Keen S. Faces of the Enemy. Reflections on Hostile Imagination. – San Francisco: Harper & Row, 1986.
15. Kegley Ch., Wittkopf E. American Foreign Policy: Pattern and Process. – New York: St. Martin's, 1987.
16. Kissinger H. The Moral Foundations of Foreign Policy // *The Atlantic Community Quarterly*. – Vol. 13. – № 3. – Fall 1975. – P. 270-281.
17. Klinberg, Frank L. The Historical Alternation of Moods in American Foreign Policy // *World Politics*. – January 1952.
18. Klinberg, Frank L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods and Their Policy Implications // *Challenges to America: U.S. Foreign Policy in the 1980s* / Eds. by C.W. Kegley Jr., P.J. McGowan. – Beverly Hills, London: Sage Publications, 1979.

19. Klinberg, Frank L. Cyclical Trends in American Foreign Policy Moods: The Unfolding of America's World Role. – Lanham; London: University Press of America, 1983.
20. Klinberg, Frank L. Positive Expectations of America's World Role: Historical Cycles of Realistic Idealism. – Lanham; London: University Press of America, 1996.
21. Kristol I. Consensus and Disseny in US Foreign Policy // *The Legacy of Vietnam: The War, American Society and the Future of American Foreign Policy* / Ed. by A. Lake. – New York, 1976.
22. Kuehl, Warren F., Ostrower, Gary B. Internationalism // *Encyclopedia of American Foreign Policy*. 2006. – URL: <http://www.americanforeignrelations.com/index.html>.
23. Lippmann W. Public Opinion. – New York, 1922.
24. Lipset S. The Paradox of American Politics // *The Public Interest*. – Fall 1975.
25. Ninkovich F. The Wilsonian Century: U.S. Foreign Policy Since 1900. Chicago; – London: University of Chicago Press, 1999.
26. *Reconstructing Realpolitik* / Ed. by Frank Whelon Wayman, Paul Francis Diehl. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994.
27. Semetko, Holli A., Brzinski, Joanne Bay, Weaver D., Willnat L. TV News and U.S. Public Opinion About Foreign Countries: The Impact of Exposure and Attention // *International Journal of Public Opinion Research*. – Vol. 4. – Spring 1992. – P. 18-36.
28. Stand Alone. The Case for a New Isolationism. By Thanassis Cambanis // *The Boston Globe*. – February, 6. 2011.
29. Wilsonianism // *Encyclopedia of American Foreign Policy* / Ed. by Glenn Hastedt. – New York: Facts On File, 2004. – P. 520-521.
30. Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. – М.: Наука, 1970.
31. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. – М.: Наука, 1990.
32. Баталов Э.Я., Журавлева В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992-2007). – М.: РОССПЭН, 2009.
33. Болховитинов Н.Н. Салемская ведьма // *Вопросы истории*. – 1982. – № 10. – С. 187-189.
34. Гаджиев К.С. Американский протестантизм: История и современность // *Новая и новейшая история*. – 1993. – № 1. – С. 96-113.
35. Гаджиев К.С. Имидж государства в конфликте идеологий. – М.: Андалус, 2007.
36. Гаджиев К.С. Роль средств массовой информации в пропаганде теории «американской исключительности» // *Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура* / отв. ред. Ю.К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. – М.: Изд-во Моск. унт-та, 1993. – С. 290-300.
37. Гаджиев К.С. США: протестантизм – религия американского образа жизни // *Очерки истории западного протестантизма*. – М., 1995.
38. Гаджиев К.С. США: эволюция буржуазного сознания. – М.: Наука, 1981.
39. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». – М.: Наука, 1994.
40. Гудков Л. Идеологема «врага». «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // *Образ врага* / сост. Л. Гудков. – М., 2005. – С. 7-79.
41. Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1988. – № 12. – С. 19-33.
42. Замошкин Ю.А. Вызовы цивилизации и опыт США: история, психология, политика. – М.: Наука, 1991.

43. Киселев И.Ю. Образ государства в международных отношениях и социальное познание // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 3-13.
 44. Киселев И.Ю. Образы государства в международных отношениях: механизмы трансформации // Полис. – 2003. – № 3. – С. 50-57.
 45. Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997.
 46. Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 112-121.
 47. Малашенко И.Е. Массовое сознание: типология внешнеполитических ориентаций // США: экономика, политика, идеология. – 1984. – № 2. – С. 41-52.
 48. Малашенко И.Е. Эволюция внешнеполитических ориентаций в американском массовом сознании // Проблемы американистики. – М., 1987. – С. 273-292.
 49. Общественное сознание и внешняя политика США / колл. авт.: Замошкин Ю.А., Иванян Э.А., Петровская М.М. и др. – М.: Наука, 1987.
 50. Петровская Е.В. Образ индейца-врага в истории американской культуры // Политическая мысль и политические действия. – М., 1987. – С. 71-87.
 51. Петровская М.М. США: политика сквозь призму опросов. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 41-42.
 52. Рябцева Е.Е. Американское общественное мнение по основным проблемам внешней политики США во второй половине 80-х - начале 90-х годов: Дис.... канд. ист. наук. – М., 1998.
 53. Современная внешняя политика США. В 2-х т. / отв. ред. Г.А. Трофименко. – М.: Наука, 1984.
 54. Современное политическое сознание в США / отв. ред. Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов. – М.: Наука, 1980.
-